

ВЕДОМОСТИ

THE WALL STREET JOURNAL & FINANCIAL TIMES

Страна и нефть: Цена металла в голосе

Егор Гайдар

17.05.2006. №87 (1614)

Недавно в одном из своих выступлений вице-президент США Дик Чейни заметил, что демократия для нашей страны полезна. Реакция российских аналитиков и комментаторов оказалась болезненной. Заговорили о том, что мы можем применить к США экономические санкции, отказаться от закупки американских "Боингов", ограничить участие американских компаний в инвестиционных проектах, связанных с добычей нефти и газа.

То, что демократию в России никто, кроме нас, построить не может, очевидно. То, что влияние из-за рубежа на развитие внутривнутриполитических процессов в нашей стране ограничено, — также. Лидеры западных государств это понимают. Сказанное Чейни с точки зрения западного общественного мнения — тривиальность. Свобода воспринимается в ведущих демократических странах мира как вещь самоценная. Это не значит, что правительства стран Запада всегда на практике действуют, исходя из этой парадигмы. Но отклонения от нее воспринимаются как аномалия, чреватые поражением на выборах. Россия, а не Китай — член "восьмерки" именно потому, что с начала 1990-х гг. она рассматривалась в мире как государство, медленно, с отступлениями, но идущее по пути формирования свободного общества.

Сила действия сырья

В чем причина столь болезненной реакции на повторение общеизвестной позиции? Позволю себе сформулировать гипотезу: как и во многих поворотах российской политики и экономики, и здесь не обошлось без влияния цен на нефть.

Значительная доля сырья в экспорте, ресурсных платежей в доходах бюджета — не порок. Такая структура экономики бывает характерна и для высокоразвитых стран. Норвегия — наглядный тому пример. Проблема не в том, что экспорт сырья — занятие постыдное, а в самой природе экономики сырьевых отраслей и рынков.

Амплитуда колебаний цен на сырьевые ресурсы больше, чем на продукцию обрабатывающих отраслей. Для крупнейшей в мире экономики (США) на протяжении последних 35 лет максимальное годовое изменение условий торговли (соотношение экспортных и импортных цен) было связано с резким повышением цен на нефть и составило 14% (1974 г.). Американская экономика тяжело адаптировалась к новым условиям, вошла в период "стагфляции" с характерным для него сочетанием высокого уровня безработицы и темпами инфляции.

Напомню, речь шла об изменении условий торговли на 14%.

Ресурсозависимые страны живут в ином, менее стабильном мире. Цены (здесь и далее — в долларах 2000 г.) на важнейший сырьевой товар — нефть на протяжении тех же 35 лет колебались в диапазоне от менее \$10 до более \$80 за баррель. Переход от периода экстремально высоких цен к средним многолетним (примерно \$20 за баррель в течение более 140 лет активной добычи этого ресурса) или их выход на более низкие уровни происходил за короткий, измеряемый месяцами промежуток времени. Подавляющее большинство аналитиков, власти стран — производителей и потребителей нефти предвидеть его не смогли. Приближение периода необычно высоких цен на нефть точно предсказать также до сих пор не удавалось.

Масштабные колебания цен несут за собой набор взаимосвязанных последствий для национальных финансов, платежного баланса, внутренней политики. Приведу лишь один пример. Для периода аномально высоких цен в богатых ресурсами странах характерны популярные или по меньшей мере стабильные правительства. Бывает и по-другому (Иран 1979 г.), но это исключение. Правительства, приходящие к власти на фоне падения ресурсных цен, вынуждены осуществлять непопулярные меры: сокращать социальные программы, снижать объем дотаций, повышать регулируемые государством цены, сокращать инвестиции. Такая политика поддержки избирателей не прибавляет. Общество не обязано понимать, что эти решения не прихоть властей, они заданы изменившимися условиями, в которых существует национальная экономика. Иногда трудности адаптации к новому уровню сырьевых цен прокладывают дорогу кризису политического режима. История краха советской экономики и самого СССР после падения цен на нефть в 1985-1986 гг. — наглядная иллюстрация этому.

Головокружение

Колебания сырьевых цен оказывают серьезное влияние и на выбор внешнеполитического курса. Опыт показывает: сырьевые доходы — ненадежный фундамент для имперских амбиций. Это известно не со вчерашнего дня. Взаимосвязь притока золота и серебра из Америки в Испанию и развертывания внешнеполитических процессов в Европе во второй половине XVI — первой половине XVII в. наглядно иллюстрирует данное положение. Суть урока, который полезно извлечь из этого опыта, в том, что на фоне растущих ресурсных доходов принять имперские обязательства легко, а отказаться от них, когда финансовый поток сокращается, трудно. К концу 1640-х гг. Испания утратила европейские владения вне Пиренейского полуострова, контроль над Португалией, оказалась на грани потери Каталонии и Арагона. При этом испанская армия, по общему признанию, оставалась сильнейшей в Европе. Ко времени, когда она потерпела первое за десятилетия поражение в крупном сухопутном сражении (1643 г., битва при Рокруа), империя лежала в руинах. Причиной краха стали не военные неудачи, а сокращение потока ресурсных доходов, невозможность отказаться от принятых внешнеполитических обязательств, расстройство финансов, череда государственных банкротств, вынуждающих испанские власти просить о мире страны, которые совсем недавно казались слабыми противниками.

Во время предшествующего периода высоких цен на нефть (1973-1985 гг.) СССР ввязался в активные военно-политические операции в Африке, потратил сотни

миллиардов долларов на поддержку вассальных режимов, способствовал формированию широкой неформальной коалиции, направленной против экспансии советского влияния, включающей не только страны Запада, но и Китай. После начала афганской войны к этому союзу присоединились ведущие арабские нефтедобывающие страны. Тон диалога Саудовской Аравии с США в том, что касается и безопасности, и действий на рынке нефти, со времени советского вторжения в Афганистан изменился. Падение цен на нефть в середине 1980-х гг. было предопределено ситуацией на рынке. Но быстроту и масштабы их снижения трудно понять вне контекста диалога между США и Саудовской Аравией, тон которого определялся опасениями того, что происходящее в Афганистане — первый шаг советских властей, направленный на экспансию влияния на Ближнем Востоке.

В 1985 г. советскому руководству и в страшном сне не могло привидеться, что страна через несколько лет будет вынуждена просить о политически мотивированных кредитах, пытаться обменять их на беспрецедентные внешнеполитические уступки. После падения цен в середине 1980-х гг. такой обмен стал не просто возможен, по убеждению руководства СССР, он был жизненно необходимым. К началу 1989 г. то, что лишь крупные государственные кредиты дадут шанс отстрочить катастрофу, советское руководство осознавало. Шаги, которые Михаил Горбачев в 1988-1991 гг. делает навстречу Западу, если рассматривать их через призму происходившего с валютными резервами, внешним долгом, государственными финансами СССР, предстают не результатом свободного выбора, а следствием глубокого кризиса экономики страны, безуспешно пытающейся адаптироваться к сократившимся нефтяным доходам.

На протяжении 1987-2000 гг. цены колебались в пределах, близких к средним многолетним (исключение — 1998 г., когда цены упали по отношению к этому уровню примерно вдвое). Экономика постепенно приспосабливается к новым реалиям. Это процесс болезненный, не лучший фон для бряцания шпорами и имперской риторики. На долгие годы они выходят из моды. В начале 2000-х гг. цены на нефть начинают повышаться, хотя и остаются на уровне, близком к средним многолетним. Даже это создает благоприятные условия для развития экономики, стабильности финансов и денежной системы. С 2004 г. цены на нефть выходят на уровни лишь немногим более низкие, чем в период максимума конца 1970-х — начала 1980-х гг., расцвета брежневской эпохи.

Нежданый поток доходов кружит голову. Руководству нефтедобывающей страны, столкнувшемуся с периодом высоких цен, легко уверить себя в том, что дела идут в гору потому, что пришли новые люди — энергичные, сильные, не склонные пасовать перед трудностями. Они покажут и соседям, и миру, что политика компромиссов и уступок, характерная для предшествующего периода, — недоразумение, если не предательство. Партнерам по переговорам придется привыкать к жесткому тону диалога. В нашей стране, в которой адаптация к периоду низких нефтяных цен проходила на фоне глубокого экономико-политического кризиса, благоприятная конъюнктура делает поворот во всем, что касается внешнеполитической риторики и практики, почти неизбежным. Однако, принимая решения о выборе внешнеполитического курса страны, важно оценивать связанные с ним риски.

Сила противодействия

Во внешней политике сила действия обычно равна силе противодействия. Имперский тон в разговоре с соседями объективно подталкивает их к формированию коалиций, направленных на сдерживание внешнеполитического влияния страны, руководство которой его себе позволит, поиск тех, кто может поддержать в нарастающем противостоянии. На это глупо обижаться. Так устроен мир.

Подобные союзы инерционны. Преодолеть укоренившееся недоверие непросто. Когда у государства, претендующего на имперский статус, кончаются деньги, оно не может, как мальчик в песочнице, сказать: "Мирись, мирись и больше не дерись". Имперская политика по отношению к соседям задает фон, на котором придется долго строить отношения с ними. То, что с течением времени российское руководство само или под влиянием заданных обстоятельств осознает тупиковость, контрпродуктивность проводимой сегодня по отношению к соседям политики, сразу дело не поправит. Расхлебывать последствия столь приятных сегодня стальных интонаций придется долго.

Неразумно забывать о том, что вся внешнеполитическая активность, тон, которым мы обозначаем свои интересы за рубежом, по-прежнему основаны на ненадежном фундаменте — аномально высоких ценах на нефть, параметре, который ни мы, ни кто бы то ни было в мире прогнозировать не умеет. Да, сегодня возможность российской экономики приспособиться к снижению цен на нефть выше, чем у СССР середины 1980-х гг. Экономика рыночная, действуют автоматические механизмы адаптации к новому уровню нефтяных цен, валютные резервы несопоставимо больше, чем тогда. Но переоценивать уровень устойчивости нашей экономики опасно. В случае падения цен, сопоставимого с тем, которое произошло в середине 1980-х гг., они позволят без серьезного кризиса пройти 2-3 года. Гарантий, что за это время цены вернутся к аномально высоким уровням 2005-2006 гг., не существует. Советское руководство в середине 1980-х гг. полагало, что низкие цены — явление временное, его можно пережить, наращивая заимствования. Теперь мы знаем: ждать пришлось бы 17 лет.

Советским руководителям в 1985 г. трудно было представить себе, что важнейшей темой в международных переговорах 1990 г. станет вопрос о том, какие объемы гуманитарной помощи, обычно направляемой в беднейшие страны мира, западное сообщество будет готово выделить СССР, а предметом оживленной межведомственной переписки в начале 1991 г. будет то, как эту помощь распределять, какую долю ее выделить в распоряжение советских Вооруженных сил, чтобы накормить солдат и офицеров.

На чужих ошибках учатся редко. Хотелось бы научиться извлекать уроки хотя бы из собственных. Тем более что для десятков миллионов россиян последствия решений, принятых в период предшествующего максимума нефтяных цен, задали фон, на котором прошли многие годы их жизни.

Автор — директор Института экономики переходного периода